

РУССКОЕ ПОЛЯРНОЕ МОРЕХОДСТВО И ОТКРЫТИЯ РУССКИХ ПОМОРОВ НА СЕВЕРЕ ЕВРОПЫ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН И ДО XVI ВЕКА.

В. В. Мавродин

Начало освоения русскими «стран полуночных» и далеких северных морей не нашло отражения в дошедших до нас письменных источниках. Поэтому приходится пользоваться всякого рода косвенными данными, чтобы восстановить картину русского Севера XI—XII вв., то есть тех времен, когда север Восточной Европы заселялся и осваивался русскими людьми.

На далекий Север, к берегам Белого моря, на Печору и Тре (Терский берег), в землю Югорскую, русского человека привело то же самое стремление к освоению богатых пушным и морским зверем, рыбой и птицей лесов, рек и морей, та же самая жажда промысловой деятельности, которая привела правнуков беломорских поморов казаков-землепроходцев XVI—XVII вв. на Камчатку и Колыму, на берега Иртыша и Амура, к Охотскому и Берингову морям. От «неродимой землицы» северных и восточных окраин новгородских пятин новгородцы стремились в далекие «земли», «волости», лежащие на Крайнем Севере, земли подлинных и потенциальных данников Новгородца, малочисленных и слабых северных народов: лопи (саамов), чуди зеволочкой (коми-зырян), югры (хантов и манси, остяков и вогулов), самоеды (ненцев). На Север шли простые люди, «меньшие», спасаясь от эксплуатации бояр. Среди новгородцев, переселившихся на Север, были и боярские холопы, и монахи, и свободные поселенцы-крестьяне. Именно эти последние, охотники, рыбаки, звероловы, солевары, «складывавшиеся» в «дружины», осваивавшие своим трудом земли и воды Севера, были предками смелых и стойких поморов. Стремилось на Север и боярство для того, чтобы обложить данью русское и нерусское население Поморья, Подвонья, Приуралья.

В рассказе новгородца Гюраты Роговича, помещенном в «Повести временных лет» под 1096 г., находим указание и на народы, населявшие «страны полуночные», и на немую меновую торговлю, и на пределы новгородских владений¹. Печора, Югра, горы до Лукоморья (в которых нетрудно

усмотреть Уральские горы, или, по-новгородски, «Камень»), а быть может, и Обь — таковы географические познания новгородцев конца XI века². Это — первое засвидетельствованное источниками указание на то, что новгородцам в XI в. были известны не только страны, но и «моря полуночные». Но проникли новгородцы на Север раньше, чем в конце XI века. В Новгородской Софийской первой летописи говорится о том, что в 1032 г. новгородец Улеб ходил на Железные ворота. Поход был тяжелый и «опять (обратно.— В. М.) мало их прииде»³. В литературе было высказано предположение, что под Железными воротами следует подразумевать либо проливы в Белом море, либо Карские ворота Новой Земли⁴.

Предание, помещенное в летописи под 1114 г., рассказывает о том, как старики, ходившие за Югру и Самоядь, видели в «странах полуночных» удивительные чудеса: с неба спускается туча, из нее падают маленькие белки, растут и, выросши, разбегаются по земле. Опускается еще и другая туча, откуда падают маленькие олени и тоже, выросши, расходятся по земле.

Эта ссылка на стариков, ездивших в Югру и Самоядь, свидетельствует о том, что путь на Север новгородцы проложили задолго до XII в.⁵; он был хорошо известен жителям Ладоги (ныне Старой Ладоги), из показания которых и ссылается летописец, приводя свой рассказ: «...Сему же ми есть послух посадник Павел Ладожский и вси ладожане».

Ссылка на «мужей старых» говорит о том, что знакомство ладожан с Севером относится к очень давнему времени, примерно ко времени Ярослава. Древние скандинав-

² М. С. Боднарский. Очерки по истории русского землеведения. Т. I. М.—Л. 1947, стр. 19.

³ «Новгородская Софийская первая летопись». Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. V. 1851, стр. 136.

⁴ А. Х. Лерберг. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории. СПб. 1819, стр. 80—82; А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. 1951, стр. 93.

⁵ «Летопись по Ипатьевскому списку». СПб. 1871, стр. 199—200.

¹ «Повесть временных лет». Т. I. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л. 1950, стр. 167—168.

ские саги рассказывают также о Ладоге (Aldeigjuborg, Aldeigia) X — первой половины XI века. Сагам известен путь в Биармию (Бьёрмаланд) по Ледовитому океану мимо Нордкапа к Белому морю. Но саги отмечают и другой путь — из Ладоги в Биармию. Независимо от того, где находилась Биармия — в устье Северной Двины или на Кольском полуострове, — мы должны признать, что в первой половине XI в. отважные ладожане, идя из Северного Приладожья по Онеге и Северной Двине, выходили к берегам Белого моря, а может быть, идя на лодьях вдоль берега, достигали и Кольского полуострова⁶.

Постоянные поселения русских на берегах Северной Двины и Белого моря относятся к давнему времени. Само название Двины имеет русское происхождение, так как финно-угорские языки не признают сочетания двух согласных в начале слова. Скандинавское название Двины — *Vina* заимствовано из языков финно-угорского населения Севера, в которых первая согласная исчезла. Ладожане раньше других проникли на Север. Об этом говорят и наши летописи и скандинавские саги (сага о Гольфдане, сыне Эйстейна)⁷. Появление русских на Севере относится, по видимому, к X в., а первые поселения их основываются не позднее 40—60-х годов XI в., то есть примерно в те же времена, к которым относятся рассказы Гюраты Роговича и поездки новгородских «мужей старых» «за Югру и Самоядь», в «полунощные страны».

Из Благословенной грамоты новгородского архиепископа Иоанна (1110—1130 гг.) мы узнаем, что весь край «от Емцы до моря», то есть Заволочье, был уже заселен русскими⁸. Разумеется, население это было редким и поселков русских было еще мало. Немаловажную роль в освоении Севера сыграли поход на Емь в 1042 г. и пребывание в Заволочье в 1078 г. Глеба Святославича⁹. В XII в. на Пурнаволоке, на

правой стороне дельты Северной Двины возник монастырь Михаила Архангела¹⁰.

Устав новгородского князя Святослава Ольговича 1137 г. упоминает Иван-погост, который со временем вошел в состав Холмогоров под названием Ивановского посада. В уставе 1137 г. говорится также о расположенных у Холмогор Пинеге, Кегреле, Ракуле, Емце (Устье), Ваге (Устье)¹¹. Таким образом, Холмогоры и их окрестности явились древнейшим новгородским поселением на Двине, в Поморье. Сами Холмогоры выросли на месте древнего «чудского» поселения, поселения коми, о котором говорят скандинавские саги начала XI века¹².

Топонимика этого края древних биармийцев в районе Холмогор (Ухт-остров, Наль-остров, Кур-остров) говорит о том, что, как и везде на Севере, русские поселенцы мирно селились рядом с аборигенами, передавая им свою более высокую культуру, и либо подчиняли их своему культурному влиянию, либо вовсе растворяли в своей этнической среде. Поэтому трудно сказать, когда кончается мореходство зверобоев Севера, поклонявшихся Йомале (Юмале), о чем говорит норвежец Отер, информатор англосаксонского короля Альфреда Великого, сага о Торрере Собаке и другие исландские саги, и когда начинается мореходство русских-христиан.

Кроме новгородцев, на Север шел колонизационный поток из междуречья Волги и Оки, из земель Владимиро-Суздальских и Белозерских. Уже в начале XIII в., а быть может, и несколько ранее, на Севере появляются владения великих князей Владимирских. Из грамоты великого князя Андрея Александровича (1294—1304 гг.) известно, что он посылал «на море» свои «ватаги» для поимки ловчих птиц, «ходил» «на Терскую сторону». По аналогии с грамотой Ивана Калиты можно предположить, что речь идет о «Печорской стороне» и «Зимнем берегу» Белого моря, где исстари стояли ловческие займки князей Северо-Восточной Руси.

Андрей Александрович указывает, что это право на «места» на далеком Севере «по-

⁶ Е. А. Рыздзевская. Сведения о Старой Ладоге в древне-северной литературе. «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК». Вып. XI. 1945, стр. 64 и др.; А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 80.

⁷ Е. А. Рыздзевская. Указ. соч., стр. 64; А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 103—105, 114—115.

⁸ А. А. Савич. Соловецкая вотчина XV—XVII вв. Пермь. 1927, стр. 24—25.

⁹ А. Н. Насонов. Указ. соч., стр. 104. У А. Н. Насонова Глеб Святославич ошибочно назван Святославом.

⁷. «Вопросы истории» № 3,

¹⁰ А. А. Савич. Указ. соч., стр. 24—25.

¹¹ И. Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права. Вып. 1. СПб.—Киев. 1899, стр. 255, 256.

¹² См. С. Ф. Платонов. Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1. Петроград. 1922, стр. 32; его же. Прошлое русского Севера. Петроград. 1923, стр. 14, 15 и др.

шло при моем отце и при моем брате»¹³. Грамота Андрея Александровича является ценнейшим источником, свидетельствующим о том, что русская колонизация Севера имела своим исходным пунктом не только Новгород, но и Суздальскую землю.

Различное происхождение русского населения Подвинья и Поморья нашло отражение в северо-русских диалектах. Цокающие говоры русского Севера — остатки речи новгородцев, колонизовавших край, а некокающие говоры, распространенные по Шексне, в Белозерье и на Онеге, являются рудиментами речи русских поселенцев, переселившихся из Ростово-Суздальской земли¹⁴.

Итак, не может быть сомнений в том, что в XI—XII вв. освоение русскими Севера, и в частности берегов Белого моря, достигло значительных успехов. Выход русских промысловых людей на морское побережье не мог не сделать их поморами. Бойкий торг продуктами северного морского зверобойного промысла, столь характерный для Новгорода того времени, свидетельствует о том, что русские поморы не боялись на своих судах устремляться по волям Белого моря далеко на север.

На Двину, в Заволочье, на берега Белого моря новгородцы ходили ежегодно. Об этих малых, неофициальных походах в летописи ничего не сказано. Они не контролировались новгородскими властями. Поэтому о них мы почти ничего не знаем, а два — три факта, попавшие в летопись, не дают полного представления о колонизации Севера. Но если учесть, что в XIV—XV вв., когда освоение русскими Севера достаточно подробно отразилось в источниках, Север был уже густо заселен, то, естественно, начало процесса освоения Поморья следует отнести к гораздо более раннему времени.

С южного берега Белого моря новгородцы проникли и на северное его побережье. Уже в начале XIII в. выходцы из Заволочья освоили Кольский полуостров, Тре и Колу. Свидетельством этого является упоминание летописи о гибели в знаменитой Ливецкой битве «Семьюна Петриловича Тьрского данника»¹⁵. Сага о Хаконе Старом говорит о постройке им церкви в Трумсе (Тромсе) и

о том, что «к нему пришло много бьярмов (карел. — В. М.), бежавших с востока от нашествия татар, и окрестил он их и дал им фьорд, называемый Малангр»¹⁶.

В договорной грамоте Новгорода с тверским великим князем Ярославом Ярославичем среди волостей Новгородских упоминается Тре¹⁷. В далекий Северный край новгородцы и великий князь посылали «ватаги» людей для промысла морского зверя и сбора дани с населения Кольского полуострова¹⁸. Они заходили далеко на запад, за Варангерфьорд, где трудно было в безбрежной тундре установить границу между Русью и Норвегией, и хотя договорная грамота Новгорода с Норвегией о мире, заключенная в 1326 г., говорит о «древнем означении или рубеже земель», фактически такой рубеж был установлен лишь в 1326 году¹⁹.

Из исландской саги о Хаконе, сыне Хакона, написанной около 1265 г. Стурлой, сыном Торда, племянником знаменитого исландского историка Снорри Стурлесона, мы узнаем о посольстве Александра Невского в 1251 г. в Трондхейм, к королю Хакону Старому. По словам саги, «в Марке» (то есть Финмаркане, в области саамов, так как у норвежцев саамы — финны), где собирали дань «чиновники Хакона конунга», происходили «постоянно.. немирье, грабежи и убийства», так как «кирьялы» (карелы), обитавшие там, «платили дань конунгу Хольмгардов» (новгородцев) и не считали себя данниками норвежского короля²⁰.

На Терский берег русские проникали морским путем. Отплывая от устья Северной Двины и с южного побережья Белого моря, русские проходили Беломорским горлом или, что для более раннего времени вероятней, шли, держась берега, на реку Неноксу, Унскую губу, Лобшангу, Усть-Наволоку, Соловецкие острова, Кандалакшу,

¹⁶ И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки». Т. 14. 1945, стр. 39.

¹⁷ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». М.-Л. 1949, стр. 9.

¹⁸ «Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку», стр. 204.

¹⁹ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова». В 1945 г. в 14-м томе «Исторических записок» Академии наук СССР И. П. Шаскольский опубликовал текст договора Новгорода с Норвегией 1326 г., предложив «наш новый перевод текста», в основу которого был положен перевод П. Буткова (стр. 44—46).

²⁰ И. П. Шаскольский. Посольство Александра Невского в Норвегию. «Вопросы истории». 1945. № 1, стр. 112—116.

¹³ «Акты Археографической экспедиции». Т. 1. №№ 1, 2. 3. СПб. 1836, стр. 1, 2.

¹⁴ В. Г. Орлова. Цоканье в русских говорах. «Ученые записки МГУ». Вып. 128. Труды кафедры русского языка, кн. 1-я. М. 1948.

¹⁵ «Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку». СПб. 1888, стр. 204.

Усть-Колу, Поган-Наволок, Цып-Наволок, Кегору и приставали для сбора дани и промыслов к берегам Кольского полуострова. Проникая по рекам и фьордам вглубь полуострова, русские проходили далеко на северо-запад.

Чтобы воспрепятствовать русскому мореходству, остановить продвижение русских на северо-запад, прекратить их плавание вдоль берегов Кольского полуострова, в Норвегии была учреждена особая морская стража. Об этом упоминает «Гулагинская Правда», составленная около 1200 года. Походы русских на Халоголанд были и позднее, в 1316 и 1323 годах²¹.

Освоение русскими Кольского полуострова явилось делом отважных мореходов, ходивших за данью и для промысла морского зверя в далекую северную землю «лопи». Русские и карелы продвигались вперед, вдоль берегов «Студеного моря», отстаивая свои права на промыслы и на сбор дани. Они встречали противодействие со стороны норвежцев. В 1320 г. новгородские ушкуйники на судах, идя морем вдоль берега, совершили поход на северные владения Норвегии. Новгородская IV летопись сообщает: «А Лоука ходи на Моурманы, и Ньмци избиша оушкуи Игната Мольгина»²².

В 1323 г. русские с моря прибыли в пограничную северную область Норвегии Халоголанд, где стояла морская стража норвежцев, пытавшихся вести борьбу с русскими, пробывавшими сюда в тодьях с востока с целью торговли и для морского зверобойного и рыболовецкого промыслов. Русские взяли и сожгли Бьоркэй, владение правителя Норвегии Эрлинга. Епископ Аудфин в своем письме (1324 г.) говорит о войне «против божьих врагов — финнов (саамов. — В. М.), руссов и карел»²³. Успешные военные действия русских и их союзников на море и на суше заставили правителей Швеции и Норвегии начать мирные переговоры. В Ореховец прибыли шведские послы «и до докончаша мир вечны с князем и с Новым-городом по старой пошлине»²⁴.

Заключенный 12 августа 1323 г. Ореховецкий договор со Швецией устанавливал шведско-новгородский рубеж от «моря» у Сестры-реки до «Каяно море». Вслед за Швецией заключила мир с Новгородом и Норвегия. 3 июня 1326 г. была подписана договорная грамота Новгорода с Норвегией о мире²⁵. Конечно, военные действия на этом не прекратились. Так, в 1349 г. «ходиша Новгородци и Двиняне на Мурманы»²⁶. В 1411 г. «ходиша из Заволочья воиною на Мурмане новгородчмк повелением, а воевода Яков Степанович, посадник двинский, и повоеваша их»²⁷. Эти морские походы были предприняты из устья Северной Двины. Новгородцы и двиняне, отправившиеся в далекий поход «на Мурмане», шли тем же старым путем по Белому морю, которым первые русские мореходы ходили к северному побережью Кольского полуострова. В ответ в 1419 г. «пришедше Мурмане войною 500 человек с моря в бусах и шнявах». Норвежцы грабили и убивали «христиан и чернецов» в Варзуге, Неноксе, на Андреевском берегу, Кечь-острове, Княжь-острове, разгромили Цыглемино, Хечемино, монастырь Архистратига Михаила и еще три церкви. Но заволочане дали им бой, «две шняки мурман избиша», а остальных обратили в бегство.

В 1431 г. из Новгорода «ходил Иван Лощинской воевать на Каян с двиняны»²⁸. В 1444 г. «ходиша Корела на Мурмане, избиша их и повоеваша, и пленивша, и придоша здорове». Через год после удачного похода карел на норвежцев «придоша Свья Мурмане безвестно за Волок на Двину ратью, на Неноксу». «Услышав то, двиняне» с исключительной быстротой двинулись к Неноксе, разбили норвежцев, захватили в плен сорок человек, убили их воевод Ивора, Петра «и Третьего», «ини же, мало вметавшеса в корабли, отбегоша»²⁹.

На берегах морей Севера новгородцы занимались промыслом и «имали дань»; отсюда отправлялись они «за море» на своих лодках с товарами; здесь они встречали

²¹ См. И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки». Т. 14. 1945, стр. 39, 58; Th. Torfaei. Historia rerum norvegicarum. Т. IV. 1711, стр. 442—456.

²² «Новгородская IV летопись». ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1. 1915, стр. 258.

²³ И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией. «Исторические записки». Т. 14, стр. 40.

²⁴ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.-Л. 1950, стр. 339.

²⁵ «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», стр. 67—70.

²⁶ «Новгородская IV летопись». ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1, стр. 279.

²⁷ Этот поход был предпринят в 1412 году. См. А. А. Титов. Летопись Двинская, стр. 6; «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», стр. 403.

²⁸ А. А. Титов. Указ. соч., стр. 7.

²⁹ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов», стр. 424.

«заморских гостей», провозжали их до самого Новгорода. Большую роль сыграли новгородцы в приобщении племен Севера: лопи (саамов), чуди заволоцкой (коми), югры (хантов и манси), самоеды (ненцев) — к более высокой, русской культуре. На Севере новгородцы не только собирали дань, но и несли сюда более совершенные орудия и приемы охоты, рыбной ловли, морского зверобойного промысла, начатки письменности и т. п.

В XIV в. новгородцы дошли до низовьев Оби. В Новгородской IV летописи под 1364 г. читаем: «Тои зимы с Югры Новгородци приизоша дети боярския и молодые люди и воеводы Александр Абакунович, Степан Ляпа, воевавшие по Обереки до моря»³⁰.

Далекая Приуральская и Зауральская тайга и тундра у побережья «Студеного моря» с давних пор были известны на Руси. Рассказы ладожан о северных краях («странах полунощных»), богатых пушным зверем, сохранились в Ростово-Суздальской и Новгородской летописях. В XIV в. побережье Ледовитого океана в Югорской земле перестало быть для русских «землей незнаемой». О пребывании здесь русских мореходов еще в те времена, когда весь северо-восток Европы, Камень (Урал) и низовье Оби носили название Югры, свидетельствует название пролива, отделяющего остров Вайгач от материка: Югорский Шар (от «шарья» — пролив, протока в финно-угорских языках). Интересно отметить, что русские проникли в северную часть Западной Сибири раньше, чем в среднюю ее полосу. С течением времени число русских поселений на Севере выросло, стали основываться монастыри. К. Маркс, говоря о Новгороде, указывает: «Его жители сквозь дремучие леса проложили себе путь в Сибирь; неизмеримые пространства между Ладожским озером, Белым морем, Новой Землей и Онегой были ими несколько цивилизованы и обращены в христианство»³¹.

В середине XIV в. для торговли с этими далекими землями в Новгороде была создана особая организация купцов — «Югорщина». Дорогами в этом суровом крае, слабо заселенном и почти не освоенном человеком, в крае дремучей тайги и безбрежной

тундры, были только реки и моря. «Глухое, суровое Поморье манило к себе русского поселенца преимущественно своими обильными рыбой «лешими» озерами и «морскими» реками, своим морем, доставлявшим промышленнику соль и опасного, но прибыльного морского зверя»³². Осваивая северные края и уходя в бурное и неприветливое Северное море, русские люди, новгородские и «низовские»³³ организовывали «ватаги» и «дружины». Русские поморы смело уходили в море осваивать «морские реки», острова и побережья, ставить бревенчатые избы на далеких островах и берегах Белого и Баренцова морей. Шли на Летний и Поморский, на Терский и Карельский, Кандалакшский и Зимний берега Белого моря, проходили в лодях мимо Святого Носа, шли проливом между Кильдиным и материком, попадали в Варангерфьорд, Танафьорд, Лунгенфьорд, Нордкап. Уходили к Соловецким островам, пробирались через Мезень на Печору, доходили до Оби.

Присоединение Новгорода к Москве повлияло на судьбы русского Севера. Бескрайние просторы тайги и тундры побережья северных морей от Лунгенфьорда до низовьев Оби стали составной частью единого Русского государства, «вотчиною» великого государя «всая Руси»³⁴.

После присоединения на Севере увеличилось количество пришлого крестьянского и промыслового населения из Ярославля, Костромы, Галича, Белоозера, Вологды, Москвы. Быстро растет Кола. В 1565 г. там было три дома, а в 1580 г. насчитывалось 226 дворов³⁵. Возникают поселки Няндама,

³² В. О. Ключевский. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае. «Опыты и исследования». Первый сборник статей. Петроград. 1915, стр. 6.

³³ В колонизации Севера наряду с новгородцами немалую роль сыграли переселенцы с «Низа»: Ростова и Ярославля, Владимира и Москвы, Белоозера и Костромы, Галича и Суздаля.

³⁴ С. Ф. Платонов. Прошлое русского Севера, стр. 32.

³⁵ В. Ю. Визе. Моря Советской Арктики. М.-Л. 1948, стр. 12. По другим материалам, рост населения Колы выражается в следующих цифрах: 1565 г. — 4 двора, 1575 г. — 44 двора, 1607 г. — 94 двора. С. Ф. Платонов. Очерки по истории колонизации Севера. Вып. I. Петроград. 1922, стр. 39. О том, что Кола («Мальмус») в 1565 г. насчитывала только три дома, говорит голландец Симон ван Салинген, посетивший «Мальмус». Он называет по именам обитателей Колы: Семена Весина (в монастыре Сергея), Мокроу-

³⁰ «Новгородская IV летопись». ПСРЛ. Т. IV. Ч. 1, стр. 291. Год сентябрьский, то есть приход новгородцев на Обь, может быть датирован зимой с 1364 на 1365 год по январскому году.

³¹ «Архив Маркса и Энгельса». Т. VIII, стр. 156.

Паз-река, погост Мотовский, Порья-губа и другие. В 1575 г. было создано первое постоянное русское поселение на восточном берегу Кольского полуострова, на реке Поное. На месте современной Мезени была основана Окладникова слобода, у монастыря Михаила Архангела вырос «Новый город» — Архангельск (1584 г.). В XVI в. возникают поселения на Печоре — Пустоверск, Усть-Цильма, Усть-Кожва. В конце XVI в. у Рыбачьего полуострова Мурман был густо заселен и отдельные поселения поморов по своим размерам напоминали города. В эти времена в море выходило ежегодно около 7500 поморских русских судов с командами, насчитывавшими до 30 тыс. человек³⁶.

При этом поморы русского Севера совсем не были жалкими изгнанниками, терпевшими нужду и лишения. Англичанин Стивен Барро (Стифен Бэрроу), плававший в Белом море в 1556 г., сообщает, что русские, встретив его корабли, дарили ему пшеничный хлеб, калачи, превосходную пшеничную муку, гусей, сушеную рыбу, горшки с овсяной кашей, бочки водки, меда, пива и т. п. Тот же Стивен Барро рассказывает, что один его проводник, Гавриил, был сыном священника, а другой, Кирилл, — дворянином, что свидетельствует о сложном социальном составе русского населения По-

са и др. Нет оснований сомневаться в подлинности сообщенных им сведений. См. «Сообщение Симона ван Салингена» в статье А. М. Филиппова. Русские в Лапландии в XVI веке. «Литературный вестник». Т. I. Кн. III. СПб. 1901, стр. 299. А. М. Филиппов обратил внимание также на то, что известие Симона ван Салингена противоречит утверждению Стивена Барро, общавшего о целой флотилии русских судов, направлявшихся в 1556 г. по реке Коле («river Cola») к морю, что говорит как будто о многолюдности Колы. Но Стивен Барро устье Колы определяет 65°48', между тем как оно лежит под 68° 51' северной широты. Такую ошибку в 3° точный в других определениях Стивен Барро допустить не мог. Скорее всего он спутал реку Колу с рекой Кулом, устье которой лежит под указанной Барро широтой (долготу он не указывает). Кулой в отличие от Колы судоходен, жители его все время занимались охотой на моржей, что соответствует рассказу Барро, и, кроме того, Кулой в древности назывался Колой. См. там же, стр. 307—308; «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке». Л. 1937, стр. 160.

³⁶ По свидетельству Якова Перссона, в 1580 г. в море вышло 7426 русских людей. См. «Известия Архангельского общества по изучению русского Севера». 1909, № 5, стр. 17—22; В. Ю. Визе. Указ. соч., стр. 15.

морья. Стивен Барро отмечает, что русские (речь идет о поморах.— В. М.) были смелыми и хорошими мореходами и суда их, насчитывавшие до 30 человек команды, шли быстрее английских³⁷.

Уже в самом начале XVII в. «по Пенеге реке верст до пятисот все живут крестьяне». Вслед за крестьянско-промысловой колонизацией, а иногда и обгоняя ее, на Север распространилась монастырская колонизация. После основанного еще в начале XV в. в Поморье Соловецкого монастыря возникли Николаевский Корельский монастырь в Двинской губе, Кандалакшский в устье реки Нивы (1526 г.), Усть-Кольский в устье реки Колы (1532 г.) и, наконец, на самом Севере Печенгский монастырь (1532 г.), основанный Трифоном³⁸.

Среди русских поморов встречались люди весьма образованные. Симон ван Салинген сообщает, что в 1568 г. он встретился с Федором Жеденевым из Кандалакши, слывшим «за русского философа, так как он написал историю Карелии и Лапландии, а также рискнул изобрести письмена для корельского языка, на котором никогда не писал ни один человек. Так, он показывал мне алфавит и рукопись, символ веры и отче наш...»³⁹.

Поморы били морского зверя: моржа, клыки которого («рыбий зуб») ценились очень дорого, тюленя, кита⁴⁰, ловили рыбу — треску, палтуса и др., добывали слюду и жемчуг, ходили за пушным зверем. Продуктами зверобойных и рыболовных морских промыслов торговали на Руси, продавали их в Норвегию, а позднее английским, голландским, французским и датским купцам. Из жалованной грамоты Федора Ивановича мы узнаем, что жители Колы имели три лодьи и на них плавали для торга на Двину⁴¹. От берега святого Николая (будущего Архангельска) направлялись в Вардегус, в Норвегию. Шли через Неноксу, Унскую губу, Лобшангу, Усть-Наволоок, Соловецкий мо-

³⁷ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», стр. 107—111.

³⁸ С. Ф. Платонов. Очерки по истории колонизации Севера, стр. 39.

³⁹ А. М. Филиппов. Указ. соч., стр. 301—302.

⁴⁰ Китобойный промысел у поморов был развит слабо. Но из грамоты Федора Ивановича 1585 г. мы узнаем, что поморы торговали в Коле «салом троскиным и китовым». См. «Русская историческая библиотека». Т. XVI, стб. 213—214.

⁴¹ Дополнения к актам историческим. Т. I. СПб. 1846, стр. 213.

настырь, Кандалакшу, Усть-Колу, Поган-Наволоок, Цып-Наволоок, Кегору. В Вардегус для торгова рыбой, рыбьим жиром и т. п. плавали монахи Печенгского монастыря⁴². Поморы с Терского берега ловили рыбу и ходили для торгова еще дальше на запад, до реки Таны, то есть Танафьорда в Норвегии. В 1559 г. они жаловались, что «датские немцы» не пускают их дальше Вардегуса⁴³.

Путь из Двины и Мурмана в Норвегию и Западную Европу был хорошо знаком русским людям. В июле 1582 г. Иван Грозный писал датскому королю Фридриху II, что «дорога к нашей вотчине, х Колмогорам, и х Коле волости, и к иным пристанищам морским, не ново почалася... а дорога морем большим окяном к нашей вотчине х Колмогорам за много лет была, с сех мест лет за сорок...»⁴⁴. Когда русские проложили этот путь, трудно сказать, но, во всяком случае, до того, как впервые в источниках упоминаются плаванья русских вдоль берегов Баренцова моря. Из «Записки о московских делах» Сигизмунда Герберштейна мы узнаем, что в 1496 г. русский дипломат толмач Григорий Истома и сопровождавший его толмач Василий Власов по приказу Ивана III направились морским путем в Данию. В это время шла война со Швецией, и русское посольство могло достичь Данию только одним путем — вдоль северных берегов Европы. Григорий Истома отплыл из устья Северной Двины на четырех судах. Отсюда, держась «правого берега», они вышли в Белое море, а затем и в Ледовитый океан. Интересно отметить, что такое деление на «правый» и «левый» берега или «пути» было широко распространено на Севере. Позднее, в XVI в. (а может быть, и во времена Григория Истома), путь вдоль северных берегов Кольского полуострова назывался «правым». «Левый» проходил по суше. Обычно пользовались морским, «правым», путем, так как «по левой руке сушею волоком запасу провозите не мочно»⁴⁵.

⁴² С. Ф. Платонов. Очерки по истории колонизации Севера, стр. 53; «Сборник Императорского русского Исторического общества». Т. 116. СПб. 1902, стр. XIX—XXVII.

⁴³ С. Ф. Платонов. Начало русских поселений на Мурмане в сборнике «Производительные силы района Мурманской железной дороги». Петрозаводск. 1923, стр. 5—6.

⁴⁴ «Русская историческая библиотека». Т. XVI, стб. 202.

⁴⁵ С. Ф. Платонов. Очерки по истории колонизации Севера, стр. 5.

«Правым» берегом по пути, проложенному еще, повидимому, задолго до него, плыл в Данию и Григорий Истома. Шел он «правым берегом» (восточным) Белого моря, а затем вышел к «левому берегу» (западному). Дойдя до «Финлаппии» (область саамов) и сделав еще восемьдесят миль, добрались до «страны Нордподен», принадлежащей Швеции. «Русские называют ее Каянской землей, а народонаселение Каянцами», сообщает со слов Григория Истома Герберштейн. Подошли к Святому Носу — огромной скале, выдающейся в море. Сильное течение у Святого Носа («сувой», или «сулой») — этого самого опасного участка пути — заставило прибегнуть к помощи весел. Но вот прошли Святой Нос. На пути новая скала — Семь⁴⁶.

У скалы Семь противный ветер задержал суда на четыре дня. Обогнули еще одну скалу, Мотка, и достигли Вардегуса. Чтобы не погибать мыс, на что потребовалось бы восемь дней, русские мореплаватели «с великим трудом перетасчили на плечах через перешеек» свои суда, приплыли в страну «Дикилоппов» («Дикую Лопь») и, наконец, достигли «Дронта» (Тронгейма). Интересно замечание Герберштейна: «государь Московии обыкновенно взыскивает подать вплоть до сих мест». От Тронгейма русское посольство направилось в Данию сушей. Хорошее знание пути русским «корабельщиком», который вел суда, да и самим Григорием Истомай свидетельствует о том, что путь этот был известен и русским поморам и русским дипломатам. Таким же путем ездил к «Цесарю в Испанию» уже в княжение Василия III другой русский дипломат — Власий (Василий Власов), так же, как и Григорий Истома, прибывший морем в норвежский город Берген и перенесший «все труды и опасности, про которые... излагал Истома»⁴⁷. Поездки Григория Истома и Василия Власова в Западную Европу вдоль северных берегов Европы — первые известные нам из источников плаванья русских в «заморские страны» по водам Ледовитого океана.

В 1497 г. русские люди, плываая с запада на восток, обигали Нордкап. В этом году «князь великий Иван Васильевич всеа Рус-

⁴⁶ Скорее всего так называемая Семиостровская группа островов, причем под скалою Семь следует подразумевать остров Кувшин.

⁴⁷ Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб. 1908, стр. 184—191.

сии послал послов к датскому королю в Немцы — Дмитрея Зайцева да Дмитрея Ларева грека. И шли на Колывань, а назад туда не смели пройти. И они пришли на Двину около Свейского королевства и около Мурманского носа морем акияном мимо Соловецкой монастырь на Двину, а з Двины мимо Устюг к Москве»⁴⁸. Трижды плавал в Норвегию и Данию вокруг Скандинавии в княжение Василия III Дмитрий Герасимов — выдающийся русский дипломат, путешественник и ученый⁴⁹.

Север становился ареной борьбы между Россией и враждебными ей государствами. Во время русско-шведской войны Иван III предпринял поход на Крайний Север Европы. В 1496 г. «князь великий Иван Васильевич посылал на Каяны воевод своих князя Ивана Ляпуна да брата его князя Петра Ушатых, да с ними устюжане да двиняне. И ходивше извезвали Польну реку да Торнову, да Снежну, добра поймали много, а полону безчисленно. А ходили з Двины морем акияном да через Мурманский нос»⁵⁰. Нет сомнения, этот поход «морем акияном» русская рать предприняла не только с целью отвлечь внимание шведов от Выборга, осажденного русскими, но и для укрепления позиций России на Крайнем Севере Европы.

В XVI в. моря и земли Севера были уже хорошо известны русским поморам. Давно был проторен морской путь на запад вдоль Мурманского побережья. Русские поморы совершали регулярные плавания на Обь уже в начале XVI века. Со слов московского окольничего Ивана Ляцкого Антон Вид в 1542 г. составил карту России, включая территорию до Оби. Сигизмунд Герберштейн располагал дорожником («некое писание») на русском языке, в котором был указан путь на Печору, Югру и Обь⁵¹.

Стивен Барро (1556 г.) встретил у Вайгача русских из Холмогор и Печоры, бивших моржей и белых медведей. Один из поморов, по имени Лошак, собирался идти на Обь за моржами и брался провести туда и англичан. Очевидно, для него путь на Обь был «ведомый» и «хоженный». Указания Лошака дали возможность Стивену Барро составить инструкцию, как плыть на

⁴⁸ «Устюжский летописный свод». М.-Л. 1950, стр. 100.

⁴⁹ М. С. Боднарский. Указ. соч., стр. 23; Сигизмунд Герберштейн. Указ. соч., стр. 188.

⁵⁰ «Устюжский летописный свод», стр. 100.

⁵¹ Сигизмунд Герберштейн. Указ. соч., стр. 127.

Обь⁵². Русские поморы в XVI в. знали путь и дальше на восток от Оби⁵³.

В 1564 и 1584 гг. в России переводилось сочинение Мартина Бельского «Kronika, to jest historja swiata». Русские переводчики дополнили его труд сведениями из других космографий. В переводе «Хроники» содержится подробный рассказ о путешествии «Христофора Колимбоса», который «пошел по морю Атлантичному» и открыл остров «Егана», «Испана» и др., о плавании «из Шпанския земли Немчина именем Веспучея, а потом прозвали его Америком от великого острова, что он нашел», об островах «Молюцкие земли» (Молюцких) и т. д.⁵⁴. Русские «книжные» люди, использовавшие «сказы», «лубы» и «чертежи» поморов, знали о том, что, плывя вдоль берегов Сибири на восток, можно достичь Америки.

Большой интерес представляет письмо монаха Валаамского монастыря Германа, бывшего в сентябре 1794 г. в составе духовной миссии на Аляску. Герман сообщал о русских людях, издавна поселившихся на Аляске: «Здесь слухи об них носятся такие: что они новгородцы и во время царя Ивана Васильевича ушли в Сибирь и, по Лене спустившись, пришли на Колыму, сделали семь судов, называемых кочами, из Колымы перешли на Анадырь... шестой (коч.— В. М.) девался без вести, то и думают, что непременно то судно принесло в Америку...». Нет сомнения, что в рассказе Германа перемешаны воспоминания о походе Грозного на Новгород в 1571 г. и о плавании Семена Дежнева, Федота Попова и Герасима Анкиндинова⁵⁵. Но мы не знаем, какие еще открытия может сделать археологическая наука на Крайнем Севере. Открытия 1940 г. на берегу Симса и острове Фаддея, свидетельствующие о том, что русские побывали в море Лаптевых не позже 1620 г., находка остатков казацких городков на Камчатке подтверждают высказанные нами предположения. В 1811 г. Яков

⁵² «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке», стр. 107—111.

⁵³ «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей». Составл. М. П. Алексеевым. Иркутск. 1932, стр. 158.

⁵⁴ «Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции». СПб. 1869, стр. 175—178.

⁵⁵ А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий. М. 1950, стр. 62—64.

Санников нашел на западном берегу острова Котельного (получившего свое название от найденного там котла, неизвестно когда и кем из русских людей завезенного сюда) остатки судна, отличающегося по своей конструкции от русских судов, строившихся в Сибири. У судна стоял деревянный зимний дом, лежали предметы быта и корабельное сооружение, высился крест с надписью. По состоянию всего найденного можно предположить, что русские побывали здесь лет за 200 до Санникова⁵⁶. Откуда могло взяться на острове Котельном русское судно не сибирской стройки, приставшее к берегам северного острова в конце XVI — начале XVII века? Не говорит ли эта находка Якова Санникова о том, что в легенде о новгородцах, достигших Аляски, есть какое-то зерно истины?⁵⁷

Это тем более возможно, что во второй половине XVI в. было некоторое смягчение климата в Арктике, облегчившее плавание в Ледовитом океане вдоль берегов Сибири. Френсис Черри, посетивший Пермский край

⁵⁶ М. С. Боднарский. Указ. соч., стр. 38; А. П. Окладников и Д. М. Пинхенсон. Значение находок у восточного побережья Таймыра. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века». М.-Л. 1951, стр. 210.

⁵⁷ Это остается пока что только предположением. Между тем К. С. Бадигин пишет, что он «приходит к выводу, что поморы прошли Берингов пролив, вышли в Тихий океан и проникли на побережье Аляски не позже XV—XVI веков». Источников, которые подтверждали бы вывод К. С. Бадигина, пока что не обнаружено. В доказательство своего вывода К. С. Бадигин приводит материалы раскопок на Кеайском полуострове («При рассмотрении вопроса учтены также данные американских археологических изысканий последнего времени». См. К. С. Бадигин. Ледовые плавания русских поморов с XII по XVIII век. М. 1953, стр. 3). Речь идет об отчете губернатора Аляски Джона В. Трой, в котором говорится, что при межевании на Кеайском полуострове в 1937 г. обнаружено древнее поселение. Был раскопан 31 дом размером 22×15 футов и 14 футов высотой. Стены были сделаны из бревен и обложены дерном. Дома стояли на кирпичных столбах, опущенных в ямы, наполненные галькой. Печи, повидимому, были также сложены из кирпича. Такого типа жилища не знали ни эскимосы, ни индейцы Аляски. Судя по анализу древесины и геологического покрова, дома эти имели трехсотлетнюю давность. Следовательно, хронологически они относятся примерно ко времени не ранее плавания Семена Дежнева. Четырехсотлетняя или даже пятисотлетняя давность этих домов материалами не подтверждается. А. В. Ефимов. Из истории великих русских географических открытий, стр. 63—65.

около 1587 г., написал «За Обу геса тогіа теупла»⁵⁸, в которой сообщал, что русские рассказывали Томасу Линде, что теплое море находится за Обью и «там настолько тепло, что все виды морских птиц живут на нем зимой и летом. Это свидетельствует о том, что это море расположено далеко на юге Азии».

Конечно, понятие «*morie teupla*» толковалось русскими весьма расширительно, от более или менее теплого в смысле доступного для плавания моря «за Обу геса» до действительно теплых морей Тихого океана, омывающих юго-восток Азии. Сведения об этих морях русские получили из книг, рассказов среднеазиатских купцов и своих путешествий XIII—XV вв., начиная от поездок русских князей к монгольскому императору во времена первых золотоордынских ханов, вплоть до «хожения» Афанасия Никитина «за три моря» в Индию.

В конце XVI в. русские ходили уже морем из Северной Двины на Енисей, а возможно, и далее; у них сложилось убеждение, что «теплое море» продолжается далеко на восток⁵⁹.

Не случайно первый проект плавания из Ледовитого океана в Тихий океан принадлежал выдающемуся русскому ученому, путешественнику и дипломату Дмитрию Герасимову. Владевший несколькими языками, хорошо знавший современную научную литературу, Дмитрий Герасимов побывал во многих странах Европы — Швеции, Дании, Пруссии, Италии. В 1525 г., во время своей

⁵⁸ См. Л. С. Берг. Уровень Каспийского моря и условия плавания в Арктике. «Известия географического общества». Т. 75. Вып. 4. М.-Л. 1943, стр. 16—19. Смягчение климата в Арктике в конце XVI в. обуславливало не только благоприятный ледовый режим, облегчивший русским поморам плавание по северным морям, но и более благоприятные условия для их поселения на Севере. Так, например, раскопки основанной в самом начале XVII в. на реке Таз Мангазеи показали, что это был обжитой, многолюдный город, с высоко развитым ремеслом, обширными торговыми связями (находки китайских, нюрнбергских и других вещей), множеством домов. Обилие костей коров и свиней говорит о высоко развитом скотоводстве. См. В. Н. Чернецов. О работах Мангазейской экспедиции. Т. XXI. КС ИИМК АН СССР, стр. 159—162. «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей», стр. 195.

⁵⁹ Л. С. Берг. Очерки по истории русских географических открытий. М.-Л. 1946, стр. 14.

второй поездки в Рим, Дмитрий Герасимов познакомился с Павлом Иовнем Новокомским, который с его слов составил и опубликовал в том же 1525 г. большую книгу. Сочинение Павла Иовия в XVI в. неоднократно переиздавалось и было переведено на несколько языков.

Со слов Дмитрия Герасимова Павел Иовий писал: «...достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несетя в стремительном течении к Северу, и что море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая...»⁶⁰.

Высказано было предположение о том, что Дмитрий Герасимов показывал Павлу Иовию карту «Московии». По просьбе Павла Иовия Баттист Аньезе снял с нее копию. Павел Иовий намеревался приложить эту копию к своей книге, однако карта осталась неизданной до 1881 года.

Рамузио сообщает, что какой-то русский показывал в Аугсбурге одному ученому карту и объяснял ему, что, плывя Ледовитым океаном, можно достичь островов и земель, где растут пряности (Индии и Молуккских островов). Полагают, что этим русским был Дмитрий Герасимов, побывавший в Аугсбурге на пути или в Рим (1525 г.) или из Рима (1526 г.)⁶¹.

На наш взгляд, более соответствующим истине является мнение М. С. Боднарского. Ссылаясь на Воскресенскую и Никоновскую летописи, сообщающие о том, что в 1518 г. Василий III отправил к императору Максимилиану дьяка Владимира Семеновича Племянникова, М. С. Боднарский полагает, что это посольство посетило в 1518 г. Аугсбург, находящийся в 130 км к югу от Инсбрука, где в это время пребывал Максимилиан. Здесь и имела место беседа участника русского посольства с неизвестным аугсбургским ученым⁶². Это предположение опирается на русские летописи.

Сведения, сообщенные в Аугсбурге участником русского посольства, были исполь-

зованы в странах Западной Европы. Уже в 1522 г. Гаспар Чентурноне предпринял путешествие из Италии «в Индию», через северные моря. Но дальше Нормандии ему плыть не пришлось⁶³.

В 1527 г. англичанин из Бристоль Роберт Торн подал английскому королю Генриху VIII и его послу в Испании Ли записку с предложением организовать высокоширотную экспедицию и, идя вдоль берегов Сибири Ледовитым океаном, достичь Индии и Китая, Малакки и других южных стран и островов⁶⁴. При этом Роберт Торн ссылаясь на то, что путь из Британии к Молуккским островам через Северный полюс короче на 6 тыс. миль.

Следуя советам Роберта Торна, в 1527 г. английское правительство организовало экспедицию на Север, не достигшую никаких результатов⁶⁵.

Экспедиция Виллоуби, повидимому, также руководствовалась книгой Павла Иовия, то есть информацией Дмитрия Герасимова⁶⁶.

Эта экспедиция, предпринятая в 1553 г. английскими купцами по инициативе Себастьяна Кабота, итальянца, земляка Павла Иовия, достигла устья Северной Двины. Капитан корабля Ченелер был принят Иваном Грозным в Москве, и были установлены англо-русские торговые и дипломатические связи.

В 1580 г. англичане Пэт и Джексон готовили экспедицию для достижения Китая северо-восточным путем.

Широкие просторы «Студеного моря» были освоены русскими поморами в короткий срок. Уже в XVI в. они плавали в Мангазее. Из «Отписки» тобольского воеводы 1623 г. мы узнаем, что «ходят де они торговые и промышленные люди с Пинеги и с Мезени и с Двины морем, которого лета льды пропустят, в Монгазее для промыслов своя лет по двадцати и по тридцати и болши...»⁶⁷. Путь в Мангазее занимал три — четыре месяца и лежал через

⁶³ «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей», стр. 90—97.

⁶⁴ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 12; «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей», стр. 97.

⁶⁵ F. W. Veesehey. A voyage of discovery towards the North Pole. 1843, p. 223.

⁶⁶ М. М. Яброва. Начало колониальной экспансии Англии 70—80 гг. XVI в. Автореферат. 1951, стр. 7.

⁶⁷ «Русская историческая библиотека». Т. II. СПб. 1875, стб. 1083.

⁶⁰ Павел Иовий Новокомский. Книга о московитском посольстве. Перевод А. И. Малейна. СПб. 1908, стр. 262.

⁶¹ И. Гамель. Англичане в России в XVI и XVII столетиях. СПб. 1865, стр. 35; «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей», стр. 96—97; Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 11.

⁶² М. С. Боднарский. Указ. соч., стр. 24, 223; ПСРЛ. Т. XIII, первая половина, стр. 28; ПСРЛ. Т. VIII, стр. 263, 265.

Карское море. Затем, чтобы не огибать полуострова Канин, пользовались «Чесским волоком», то есть плыли по рекам Чиже и Чеше, перетаскивая волоком суда из одной реки в другую, входили в Чешскую губу, шли вдоль берега до Русского Заворота, а оттуда плыли «морем акьяном» до Югорского Шара и входили в Карскую губу. Чтобы не огибать Ямала, проходили волоком между Мутной и Зеленой реками, достигали Обской и Тазовской губы⁶⁸.

Кроме Ямальского волока, ходили в Мангазею до реки Кары, а по ней «вверх сухим путем до другой реки» (Щучьей), где строили новые суда. Ходили и морем, мимо острова Белого⁶⁹.

В сочинении неизвестного автора «О чело­вецах незнаемых в восточной стране и о языцах разных», написанном в XV в. и переведенном с русского на английский язык, говорится о «земле Баид», то есть о земле рода энцев бай, жившего у Мангазеи⁷⁰.

О дороге в «Молгомзею» рассказывал Стивену Барро (1556 г.) и Ричарду Джонсону (1556—1558 гг.) «один русский, родом из Холмогор, по имени Федор Товтыгин», опытный мореход, бывавший (и, очевидно, не раз) на Оби⁷¹. Между 1584 и 1598 гг. «ходил Москвитин Лука гость с товарищи проводить Обского устья тремя кочи, и те де люди с великие нужи примерли, и осталось тех людей всего четыре человека»⁷².

На карте Исаака Массы, составленной не позднее 1609 г., нанесена река Пяси­на. Это дает основание предположить, что в конце XVI — начале XVII в. русские ходили на восток от Енисея.

Как показали открытия 1940 и 1945 гг. на острове Фаддея и на берегу Симса, русские мореходы, плывя с запада на восток, обогнули северную оконечность Азии — мыс Челюскина — и не позже 1618—1619 гг. открыли море Лаптевых, то есть за сто с лишним лет до Челюскина и братьев Лаптевых,

и обошли Таймырский полуостров морем за 250 лет до Норденшельда⁷³.

Русские мореходы плавали далеко на север. В 1601 г. Мавро Орбини (Урбини) в своей книге (переведена на русский язык в 1722 г. под названием «Книга историография...») писал, что около 1492—1493 гг. («107 лет тому назад») русские открыли в Ледовитом океане большой остров, который «превосходит величиной остров Крит», заселен «славянским народом»⁷⁴ и называется Новая Земля.

Почти в это же время (1479—1480) Юлий Помпоний Лэт⁷⁵ говорит о «большом острове на Крайнем севере... недалеко от материка», в котором обычно усматривают Новую Землю.

Эти сведения Юлий Помпоний Лэт черпнул у русских во время посещения им низовья Дона. Об открытии русскими на Севере острова больше Крита говорит также Буонаккорси⁷⁶. Новая Земля под названием «Insula deserta» нанесена на карту Рейска (1508 г.).

Следовательно, Новая Земля была открыта русскими во второй половине XV в., хотя, быть может, спорадически к ее берегам ходили еще со времени новгородца Улеба.

В 1584 г. четыре русских помора так ответили на предложение англичанина Антона Марша исследовать устье Оби: идя морем, нужно «пройти мимо островов Вайгач, Новая Земля, Земля Матвея...» и что «от острова Вайгача до устья Оби не очень трудно проехать».

Христофор Холмс писал, что холмогорцы ежегодно ездят на Новую Землю для ловли линяющих гусей и лебедей⁷⁷.

На Матвеевом острове у Новой Земли были обнаружены постройки и крест с надписью: «Лета 7083 — поставили крест Береза да Федор Павлов сын Моло»⁷⁸.

⁷³ «Исторический памятник русского арктического плавания XVII в.». Л. 1951.

⁷⁴ Ф. П. Л и т к е. Четырехкратное путешествие в Северный Ледовитый океан. Ч. 1-я. СПб. 1828, стр. 13—31; А. Засецкий. Исторические и топографические известия древности о России, стр. 76.

⁷⁵ «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей», стр. 66—67.

⁷⁶ С. Марков. Подвиг Семена Дежнева. М. 1948, стр. 7.

⁷⁷ «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей», стр. 186—188.

⁷⁸ В. Л. Снегирев. Русские на Севере. М.-Л. 1945, стр. 18. Во время плаваний на Новую Землю в 1594—1597 гг. Корнелия Ная, Брандта Тетгалеса и Виллима Баренца

⁶⁸ «Отписки Тобольских воевод царю Михаилу Федоровичу о путях сообщения из Мангазеи на Русь». «Русская историческая библиотека». Т. II, стб. 1062—1092.

⁶⁹ В. Ю. Визе. Указ. соч., стр. 41.

⁷⁰ Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 73—74.

⁷¹ «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей», стр. 123—127; Л. С. Берг. Указ. соч., стр. 73—74.

⁷² «Русская историческая библиотека». Т. II, стб. 1062.

Отважные русские поморы плавали еще дальше на север, достигая Шпицбергена. Когда русские проникли на Шпицберген, сказать трудно, но, во всяком случае, задолго до Баренца, с именем которого обычно связывают «открытие» Шпицбергена⁷⁹. Предание поморского рода «груманланов»⁸⁰ Старостинных говорит о том, что первые Старостины ходили на Грумант, или Груланд (так поморы называли Шпицберген), еще до основания Соловецкого монастыря, то есть до 1435 года⁸¹.

Стремясь установить связь с Гренландией, датский король Фридерик II искал по всему Северу человека, который знал бы туда дорогу. Русский кормщик («Styrrmand») Павел Нишец («Paulus Nischetz») — Павел Никитич из Мальмуса («Mallmuss»), то есть

голландцы находили в разных местах русские становища, состоящие из нескольких домов, крестов и гробов, склады муки, ворвани, путеводные вехи и «гурни», повозки, рубленные дрова, обломки бочек, клинья, разбитые русские суда и т. п. Неоднократно встречали они и русские лодьи («lodja», «lodjng», «lodje») с экипажем в 10—15 человек. Поморы помогали голландцам ориентироваться, сверяли показания компасов, которыми они располагали в достаточном количестве, рассказывали им о своих плаваниях по Печоре, на Вайгач и Новую Землю, на Обь и Енисей («Gillisy»), на Канин Нос и Кильдин, в Колу и на Мурман, давали советы, охотно делились с ними знаниями и сведениями о плавании в северных морях, снабжали голландцев продуктами, информировали о прибытии в Колу судов из Нидерландов, «высказывали... большое расположение» и оказывали «ласковый прием». Геррит де Фер. Плавания Баренца, 1936, стр. 68, 70—73, 96, 99—101, 111, 139, 259, 272—276, 280, 282—283, 284, 287—289, 290, 291, 292, 297, 302.

⁷⁹ Если не считать, что запись в исландских летописях под 1194 г. «открыли Свальбард», как полагают Нансен, Стром и другие, является указанием на открытие Шпицбергена. «Свальбард» означает «Холодный край». Указание К. С. Бадигина об «открытии Груманта в XII веке» поморами ни на чем не основано. См. К. С. Бадигин. Ледовые плавания русских поморов с XII по XVIII век. 1953, стр. 6 (автореферат).

⁸⁰ Так называли в России поморов, плававших на Шпицберген.

⁸¹ М. С. Боднарский. Указ. соч., стр. 21, 222; А. М. Филиппов. К библиографии о Шпицбергене. «Литературный вестник». Т. I. Кн. IV. 1901, стр. 439; М. Ставницер. Русские на Шпицбергене. М.-Л. 1948, стр. 12; Н. А. Бендер. Имена русских людей на карте мира. М. 1948, стр. 8; П. П. Предтеченский. Климаты исторического прошлого. «Природа». 1946. № 6, стр. 5—6.

Колы⁸², указал путь на Шпицберген и в Гренландию.

Конец XVI в. ознаменовался кратковременным, но весьма ощутительным для мореходов потеплением в Арктике. Поэтому у нас нет оснований категорически отрицать возможность плавания русского помора из Колы Павла Нишеца не только на Шпицберген, но и в Гренландию, отстоящих друг от друга на небольшом расстоянии.

Таким образом, можно предположить, что Павел Нишец собирался вести зафрахтованные Фридериком суда тронгеймских купцов к Гренландии, где в это время угасали скандинавские колонии. Мы не знаем, была ли предпринята эта экспедиция, но попытка Фридерика II проложить путь в Гренландию при помощи русского кормщика является одной из ярких страниц истории русского мореходства.

В начале XVII в. (1605 г.) в Самаре жил некто Афанасий из Усть-Колы. «И ездил он по морю на морских судах 17 лет, и ходил в темную землю, и тамо тьма стоит, что гора темная; издали поверх тьмы тоя видать горы снежные в красный день». «Темная земля» — это скорее всего Шпицберген, поражавший всех мореходов своими высокими, суровыми, снежными горами⁸³.

Везде на Крайнем Севере Европы, на Белом и Баренцовом морях русские поморы прокладывали путь и оказывали помощь иностранцам. Стивен Барро отмечает искусство русских поморов — Гаврилы, Кирилла, Лошака и Федора и большую помощь, которую они ему оказали. Русским поморам человечество обязано знанием и освоением европейского и азиатского побережья Ледовитого океана и омывающих его морей. Западноевропейские путешественники, дипломаты и ученые — Виллоуби, Ченслер, Стивен Барро, Артур Пит, Виллем Баренц, Джон Горсей, Сигизмунд Герберштейн, Антон Дженкинсен, Павел Иовий, Антонио Поссевин, Джильс Флетчер, Джон Мильтон, Даниэль Дефо и другие — получили много полезных сведений о северных морях благодаря русским людям⁸⁴.

Вслед за поморами устремлялись на Север крупные купцы — «гости» и «государевы люди». Строгановы построили в устье Северной Двины два корабля (1581 г.) и собирались

⁸² А. М. Филиппов. К библиографии о Шпицбергене, стр. 441.

⁸³ В. Ю. Визе. Русские полярные мореходы XVII—XIX вв. М.-Л. 1948, стр. 7.

⁸⁴ М. С. Боднарский. Указ. соч., стр. 25—26.

исследовать Сибирь со стороны Ледовитого океана и, в частности, найти путь к мысу Табин, то есть северо-восточной оконечности Азии, откуда, по средневековой легенде, начинался путь в Китай⁸⁵. Иван Грозный стремился укрепить позиции России на Белом море, а затем и на Балтийском. Для этой цели в Вологде строились десятки судов. О них он говорил с Джеромом Горсеем⁸⁶.

В 1571 г. анонимный итальянский автор, проживавший в Москве около 1553—1557 гг., сообщал о намерении Ивана Грозного проложить путь по северным морям и добиться открытия северо-восточного прохода. Он сообщает, что во время пребывания его в Москве «нашлись некоторые отважные люди, готовые открыть океан с этой стороны (путь в Индию и Китай через моря и реки русского Севера. — В. М.); они рассказали, что река Двина, увлекая за собой множество рек, стремительным течением направляется к северу, где находится такое неизмеримое море, что, плывя из Индии в Китай вдоль правого берега, можно удобно пройти (сюда) с кораблями... Поэтому для поощрения их наш император Иван назначил большие награды, в надежде, с открытием пути, устроить водное сообщение, отчего сильно возрастут таможенные сборы и пошлины, а цены на пряности, которые его москвитяне употребляют в большом количестве, значительно понизятся»⁸⁷.

В 1571 г., после налета крымского хана Девлет-Гирея на Москву, Иван Грозный «был тогда на Вологде и помышляше в поморские страны и того ради строены лодыи и другие суда многие к пугному шествию»⁸⁸.

В 1598 г. русские во главе с Василием Торибукиным с реки Выми готовили поход на Мангазею по суше и по морю, причем суда для этой экспедиции строились в Верхотурье⁸⁹. Приказано было «сделать три кочи, распроя вымич ратных людей Ваську Торибукина с товарищами, которыми итти в Мангазею, каковы кочи будет им надобно

для морского хода»⁹⁰. В 1599 г. возвращавшийся из Австрии дьяк Афанасий Власьев прибыл в Архангельск на двух кораблях, купленных по царскому указу в Любеке⁹¹. В 1601 г. в Верхотурье, становящемся центром сибирского судостроения того времени, строили девять кочей⁹².

16 ноября 1602 г. Борис Годунов писал верхотурскому воеводе князю Матвею Даниловичу Львову и голове Угриму Васильевичу Новосильцову: «По нашему указу, послано из Ярославля да с Вологды, на Верхотурье, с Васильем с Хомутовым, для Мангазейского ходу судовые снасти, на пятнадцать судов морянок...»⁹³. Мы не знаем, чем закончилась попытка Бориса Годунова завести суда-морянки «для Мангазейского ходу».

Так Север становится русским. Русскими становились моря европейского и азиатского Севера. Русские приветливо встречали первых иностранных мореходов, прибывавших в край поморов: и «Рычарта» (Ричарда Ченслера), и «Якова Сову» (Жака Саважа) и всех иноземных «гостей»⁹⁴. Они делились своими знаниями и опытом, водили их суда, снабжали продуктами, давали приют, охраняли суда и товары, оказывали помощь гибнущим колониям норвежцев в Гренландии. В ответ на это Генрих Штаден разрабатывал авантюристический план оккупации Русского Севера, Оливер Брюннель и Яков фон де Валле проникали на Север с целью шпионажа и наживы, Мельхиор де Мушерон готовил захват северных путей и собирался строить крепость на Вайгаче, шведы в войну 90-х годов XVI столетия, стремясь захватить Беломорье, ходили «ратью» на Колу, на Сумы, Карелу, датчане захватывали в Баренцовом море корабли, шедшие в Россию (1582 г.), незаконно присваивали, как это делал Баренц, свои названия землям и морям, давно освоенным русскими.

Север оставался русским, и воды Студеного моря продолжали бороздить русские суда.

⁸⁵ «Сборник Императорского русского исторического общества». Т. 116, стр. XXXVII.

⁸⁶ «Записки о Московии XVI века сэра Джерома Горсея». СПб. 1909, стр. 44—45.

⁸⁷ В. Огородников. Донесение о Московии второй половины XVI века. «Чтения в Обществе истории и древностей Российских». Кн. 2-я. 1913, стр. 21.

⁸⁸ «Вологодский Летописец». Вологда. 1874, стр. 24—25.

⁸⁹ М. И. Белов. Семен Дежнев, стр. 12.

⁹⁰ М. И. Белов. Арктические плаванья и устройство русских морских судов в XVII веке. «Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в.». М.-Л. 1951, стр. 69.

⁹¹ А. Висковатов. Краткий исторический обзор морских походов русских и мореходства их вообще до исхода XVII столетия. Изд. 2-е. М. 1946, стр. 133.

⁹² М. И. Белов. Арктические плаванья и устройство русских морских судов в XVII веке, стр. 70.

⁹³ «Акты Исторические». Т. II, стр. 411.

⁹⁴ А. А. Титов. Указ. соч., стр. 10—15.